

Вишницкая Ю.В. Образно-мотивный контрапункт в рассказе И.Бунина «Легкое дыхание»: текстуальный анализ / Ю. В. Вишницкая. // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Научно-методический журнал. / Гл.ред. Кудрявцева Л.А. — К.: АУПРЯЛ, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. № 5, 2010. — С. 2-5. **фахове видання**

**Вишницкая Юлия Васильевна,
кандидат филологических наук,
Киевский университет имени
Бориса Гринченко**

Образно-мотивный контрапункт в рассказе Ивана Бунина «Легкое дыхание»: текстуальный анализ

1. Читаем вслух рассказ Ивана Бунина «Легкое дыхание», параллельно прослеживаем так называемый образно-мотивный контрапункт текста (те образы, мотивы и ассоциативные ряды, которые, повторяясь, создают композиционную и ритмическую законченность произведения).
2. Делаем текстуальный анализ рассказа, исследуя мотивы и образы, которые выстраивают тематическую сетку произведения (О семантическом декодировании текста и методе тематической сетки см. в книге И.В.Арнольд «Стилистика английского языка»).

Образом, принимающим участие в обрамлении текста, является **образ дубового креста**. Крест в мировой культуре считается знаком знаков. Среди огромного количества смыслов, которые сохраняет в себе этот универсальный образ, можно выделить те, которые на протяжении всего текста будут реализовываться в других образах (эксплицитно – через лексемы или имплицитно – подтекстом, коннотациями). Во многих культурах крест символизирует как человека, так и четыре стороны света и четыре ветра. Северный конец креста – это самый мощный, все побеждающий ветер; южный ветер – огонь и чувства, а также плавание и сгорание; восточный конец креста – восточный ветер, сердце как источник жизни и любви; западный конец символизировал мягкий западный ветер из страны духов, дуновение смерти и путешествие в неизвестность, которая ждет каждого. Эти значения – наиболее глубинные, архетипные. (Я не останавливаюсь на христианской ипостаси мифологемы, символика которой является общеизвестной и осознаваемой нами как носителями православного мировосприятия).

Образ «креста из дуба, крепкого, тяжелого, гладкого», появляясь в начале и в конце произведения, словно намечает основные темы, которые, как в экспозиции музыкального произведения, на протяжении всего текста будут развиваться, наполняясь новыми оттенками.

Но, прежде чем перейти к ключевым мотивам произведения, сконцентрированным в семантике образа креста, остановимся еще на одном универсальном символе: **образе дуба** (крест – дубовый). В мировой мифологической традиции это – олицетворение Мирового Древа, Центра

Микро- и Макрокосма. Если рассматривать этот образ в пространственно-временной парадигме, то моделируется вертикаль неба («облачное небо», «насыпь») и земли («**подножие**»), теистического верха и мира реального бытия, а также – земная горизонталь, к тому же пространство – не ограничено (лексемы «просторное кладбище», «далеко видны»). Кроме того, эта вертикально-горизонтальная модель утверждается и явно: вертикаль – образом голых весенних деревьев, а горизонталь – образом холодного весеннего ветра, который гуляет всюду и звенит.

Таким образом, и крест, и дуб усиливают смысловое поле текста, стержнями которого являются образы Оли Мещерской и ветра (вернемся к символическому спектру образа дубового креста: крест – символ человека и четырех ветров).

Итак, первая тема или мотив это – **ветер**. Рассмотрим, на каких уровнях текста он семантически дублируется. Прежде всего, это уровень персонажей, а именно: в образе Оли Мещерской «ветер» «спрятался» в Олиных волосах («растрепанные волосы», «оправила волосы»); в ее манере двигаться («А она ничего не боялась – ни чернильных пятен на пальцах, ни покрасневшегося лица, ни растрепанных волос, ни заголившегося при падении на бегу колена», «присела так легко и грациозно, как только она одна умела»). Внешнее подобие прически (волос), движений Оли Мещерской ветру усиливается параллелью с «легкомысленным», как считали окружающие, характером девушки: «пошли толки, что она ветрена, не может жить без поклонников..., так изменчива», «шаловлива и очень беспечна».

Образ ветра связывается с символикой воздуха в целом, потому что в мифологической традиции он рассматривается как активный, динамичный аспект последнего. Считается жизнь-творящей стихией из-за своей связи с жизнь-дающим дыханием. Поэтому не случайным является то, что семантическое нанизывание темы ветра ярче всего происходит на уровне **мотива дыхания, вздоха**.

К тому же, «ветер», «воздух» и «дыхание» в тексте семантически заменяют друг друга: «свежо дует полевой воздух», «Дойдя до скамьи против дубового креста, она сидит на ветру и на весеннем холоде час, два, пока совсем не зазябнут ее ноги в легких ботинках и рука в узкой лайке», «Она с разбегу остановилась, сделала только один глубокий вздох...», «Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда есть?».

Цепочка семантически (да и символически) тождественных образов «ветер», «дыхание», «вздох» усиливается **мотивом легкости**. Легкими, простыми и грациозными являются движения и реакции девушки на жизненные ситуации. Легкими и незаметными кажутся возрастные переходы Оли Мещерской: «она стала расцветать, развиваться не по дням, а по часам... Незаметно стала она девушкой, и незаметно упрочилась ее гимназическая слава...». Легким и по-философски простым является осознание Олей себя в этом мире: «Я была так счастлива, что одна! Я

утром гуляла в саду, в поле, была в лесу, мне казалось, что я одна во всем мире, и я думала так хорошо, как никогда в жизни...».

Легкость и простота восприятия девушкой собственного бытия размыкают мир личностного «Я». Поэтому абсолютно понятным оказывается звучание в тексте **мотива вечности, цикличного возвращения**: «...у меня было такое чувство, что я буду жить без конца и буду так счастлива, как никто».

«Звучание мотива вечности» - не просто метафора. Смысловая связь между ветром, легкостью, вечностью (глубже – душой Оли и дыханием вечности, вселенским духом) происходит через **мотив звука, звона**, который объективируется в метафорах «*ветер звенит и звенит фарфоровым венком*», «*звон ветра в фарфоровом венке*». Конечно же, не случайным является это неоднократное упоминание венка. В мифопоэтическом контексте **венки** – это символ завершенности, величия. Соотносясь с символикой головы как сферы духовной силы и круга как образа вечности, он концентрирует в себе энергию бессмертия.

Фарфоровый венок, в котором звучит весенний ветер, как будто замыкает семантический круг образов-мотивов: в «венке» ритмично смыкаются мотивы ветра, дыхания, легкости, бессмертия. Также венок (повторяя семантику круга) помогает декодировать **мотив блеска глаз**. Интересным является то, что при каждом появлении образа Оли Мещерской Бунин останавливает свой взгляд на ее глазах:

– кладбище, фарфоровый венок – «*в медальйоне – фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами*», «*Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальйона на кресте, и как совместить с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской?*»;

– Оля среди своих подруг, сверстниц и гимназисток: «*ясный блеск глаз*», «*сияя глазами, побежала наверх*», «*глядя... ясно и живо*».

Ключевыми в этой теме глаз являются **мотивы сияния, блеска, жизни**, что семантически соединяются еще с одной темой: солнца. **Солнце** сияло в последнюю зиму Оли Мещерской, когда она совсем «*сошла с ума от веселья, как говорили в гимназии. Зима была снежная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце за высокий ельник снежного гимназического сада, неизменно погостее, лучистое, обещающее и на завтра мороз и солнце...*».

Заметим, что весь отрывок текста, посвященный описанию гимназического дня, когда произошло признание Оли, так шокировавшее начальницу (а это – полторы страницы текста), пронзен солнечными нотками. (Сравним **мелодии дождя и холода**, которые введены в эпизоде на веранде, и мелодии ветра и весеннего прохладного воздуха – на кладбище). Так, мир живой природы (солнечной морозной зимы, прохладной ветренной апрельской весны, солнечно-дождливого июльского лета) – переплетает **солнечные и ветровые мелодии с мотивами света, легкости, дыхания**.

Очень четко по тексту прослеживается еще один **мотив – молодости: молодость Оли Мещерской** (как возрастная, так и духовная – от легкости дыхания), **весенний ветер**, гуляющий в весеннем поле, а также **образ сада** (снежного гимназического, утренне-солнечного и вечерне-прохладного домашнего сада, кладбищенского сада, обнесенного белой оградой). (Кстати, домашние хронотопы «дом, сад» очень характерны для всего творчества Ивана Бунина).

Все текстовое пространство рассказа построено на этом семантическом равновесии пространственно-временных оппозиций: город – кладбище, поле, сад; весна – зима, солнце – дождь и мн.др. К тому же, собственно противопоставления не происходит, оно, по сути, снимается переплетенными мотивами и ритмомелодиями текста.

Еще раз очертим **тематическую сетку произведения**. Символика образа дубового креста разворачивается мотивом ветра; ветер – в свою очередь, усиливается мотивами легкости, дыхания; образ весны мотивируется молодостью, свежестью, снова-таки легкостью и ассоциативно уподобляется образу сада.

Легкое дыхание становится **лейтмотивом** текста, так как является своеобразным символическим пересечением, точкой соединения всех образов и мотивов текста и, как наиболее семантически заряженная точка, выталкивается текстом в заглавие.

Итак, **образно-мотивный контрапункт текста** можно описать так: пространственный хронотоп: кладбище, сад + временной хронотоп: лето, зима; стержневые образы (дубовый крест, венок, глаза, ветер) создают мотивное переплетение молодости, сияния, дыхания, блеска, звона, а также ритм цикличности, повторения (мелодии бессмертия, вечности). Все мотивы и образы, входя друг в друга, смыкаясь, сцепляясь, создают уникальное переплетение (текст от лат. *textum* – ткань, плетение). К тому же, все они даже декодируются через семантику друг друга.

Смоделированный таким гармоничным переплетением хаотичных образов и мотивов текст порождает уникальную ритмомелодику полифоничности и цикличности, в свете которой абсолютно оправданной становится **композиционная особенность текста**: рассказ в рассказе (в уменьшенном виде объективированная в образах: это – фотографический портрет Оли с живыми глазами; венок; солнце; портрет молодого царя в кабинете начальницы) или же – рамковая композиция (кладбище, венок, ветер, дыхание весны – жизнь Оли, легкое дыхание, сад – кладбище, венок, ветер, дыхание весны).

Оппозиция «жизнь – смерть» снимается с помощью мотива легкого дыхания, вдоха: *«Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном осеннем ветре»*, – размыкая рамки пространственно-временного хронотопа, модифицируя горизонталь и вертикаль в круг возвращений и превращений.

«Легкое дыхание» читается на одном дыхании и воспринимается как гимн жизни. На первый взгляд, является странным то, как готические мотивы

(кладбище, смерть) трансформируются в жизнеутверждающие мотивы. Это происходит потому, что Бунин переносит смысловые акценты на, своего рода, креативные центры Вселенной (вселенская мировая душа) и человека (его дух, душа).

Цитаты по изданию:

Бунин И.А. Поэзия и проза / Предисл., сост. и примеч. П.А.Николаева. – М.: Просвещение, 1986. – 384 с.